

Вадим ЧИРКОВ

Осыпанный золотым песком

Одесские истории я доверяю награвивать дяде Мише, одесситу и моему соседу. Я докладываю ему тему, сообщаю некоторые детали, он подходит, подходит по комнате, почмокает, покрутит головой, побормочет что-то, поднимая голову к потолку, потом объявляет: "Записывайте!.."

— Вы таки ответственный человек, — как всегда, неожиданно начал дядя Миша.

— Это почему? — осторожно осведомился я.

— Я вам ни разу не предложил рассказать что-нибудь самому, а вы и не пытаетесь. И не обижаетесь за свою молчанку.

— Ну...

— Я вам объясню, почему вы помалкиваете.

— Очень интересно...

— Так вот... — объясняя свои замысловатые ходы, дядя Миша всякий раз раскладывал передо мной теорему, в конце которой звучало школьное "Что и следовало доказать".

— Слушаю, дядя Миша.

— Вы молчите, потому что я не даю вам сказать ни слова? Вовсе нет! Я тоже всю жизнь слушал. И смотрел. И столько я посмотрел и наслушал, что меня переполнило. Если меня сейчас закрыть, я взорвусь — и будет Везувий в самом разгаре. А парк Кольберта и вообще Нью-Йорк — Помпеи. И вы это понимаете, и не хотите, чтобы были еще одни Помпеи, и слушаете меня, будто я Папа Римский. Вы себя считаете ответственным за судьбу Нью-Йорка и сидите со мной рядом, словно вы опять на работе.

"Что это было? — могут спросить потом, когда вокруг будут одни обломки. — Это взорвался дядя Миша, которому заткнули фонтан".

— Ка-ха! — кашлянул я, чувствуя себя, скорее, как на уроке, чем в парке на скамейке.

— И еще карамболь, — откуда взял это словцо рыбак дядя Миша, я не знаю. Но, согласитесь, заковыристое. Впрочем, как и то, что за ним последует.

— Когда я смотрел и слушал, я выбирал. Плохое в меня тоже попадало, но зачем мне копить холестерол? Я все время промывал сосуды чем-то хорошим. Как коньяк. Почему коньяк? Один опытный врач посоветовал мне ради здоровья принимать коньяк — трижды в день по столовой ложке. Тогда, сказал он, вы проживете жизнь. Так на коньяк у меня не хватало денег, и я нашел ему замену...

Короче говоря, у меня есть для вас картинка, которая промывает мозги даже лучше, чем коньяк. Но, может быть, я ошибаюсь. Как вы относитесь к коньяку?

— Положительно.

— Тогда слушайте...

— У меня несколько специальностей, и какое-то время я работал электриком. В одном спортивном зале — когда-то там была знаменитая хоральная синагога. Это на Еврейской улице (при Советах — Бебеля) угол Ришельевской (при Советах — Ленина). В здании сделали ремонт, после ремонта я проверял проводку, пробки, розетки, штепселя... И в то время, когда зал был еще в простом, в нем тренировалась по договору с завхозом одна интересная пара...

Валера Вассерман (потом Кузнецов, он суржик)... Пока я крочался в этом спортивном зале, я многое о нем узнал. И чем дальше я узнавал — хотя иногда меня и било током, тем было мне интереснее. Бывает такое? Я вам скажу: бывает. Это когда человек без дна.

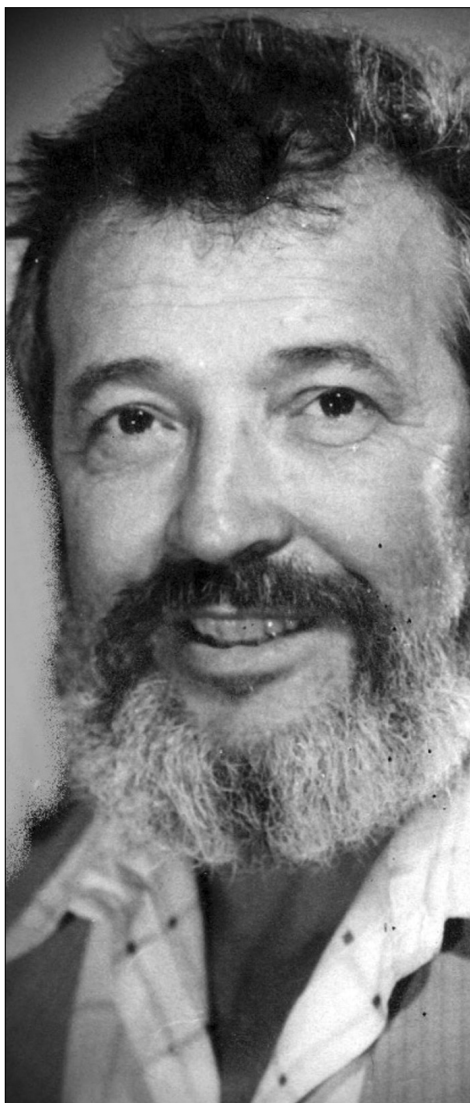
Как рассказать о человеке без дна, если вы не Лев Толстой и не ДоНстоевский? Нужно просто начать с какого-то события, а на остальное закрыть глаза.

Так вот: Валера проработал два года во всеоюзном цирке (акробатическая пара, он и жена) и вернулся в Одессу. К нему — еще одному прославившемуся на весь Союз одесситу — началось паломничество. Главные паломники были гимнасты и акробаты, которым Валера "ставил номера", чтобы и они прославили Одессу. Вторые были — поэты...

Тут нужно сказать слова, без которых нельзя. Насколько я понял в том спортивном зале за целый почти месяц, стихи в Одессе пишут все. Парикмахеры, банщики, слесари из домоуправления, бомжи, милиционеры, продавцы из овощных магазинов, дворники... Такова Одесса. Если мир, говорят, стоит на черепашке, то Одесса, вполне возможно, держится на ролях...

Стихи — это один из самых верных способов прославиться. Сперва на всю Одессу, потом на весь Союз, а потом и на весь мир. Другое дело, что они получают у одного-двух на тот же мир и всего лишь раз в столетие, а то и в два...

Еще одна возможность получить лавры при жизни — положить стихи на музыку. Тогда какую-нибудь строчку, вроде "Ах, я дерево, де-

рево, дерево..." станет повторять за тобой вся страна целый год. И ты уже как в лесу...

Валера играл на фортепиано и на гитаре и сочинял музыку на стихи — и к нему толпой валили поэты. И домой, и в бывшую синагогу. Он читал их, сидя на кипе спортивных матов, пока его напарник по номеру курил, отдыхая в уголке, анашу или, как ее тогда называли, "планчик".

(А я сидел на стремянке на самом верху, делал вид, что чиню проводку — хотя кто замечает электрика? — и только мотал головой, когда до меня долетали чудные словечки снизу. После я их тоже слышал на одесских перекрестках, но не всегда знал перевод на русский...)

Это ничего, что я вам рассказываю не об Утесове и не о Миле Гилельсе, который тоже из Одессы? Что делать! Бог-фармацевт знает, кому сколько отвести таланта... А может, Он бросает этот слиток наугад, в толпу — кому попадет? Он таки бросил, попал в Валеру Вассермана-Кузнецова, в его кудрявую голову, но не слитком на этот раз, а горстью золотого песка, и тот не знал, за какую песчинку, за какой свой талант хвататься.

Так я не о Миле Гилельсе, о котором все знают всё, я о тех, кто еще не известен, но тоже жил и имел свой кусочек славы.

Напарник Валеры был тоже интересной личностью. В своем роде...

Вот вам вопрос, чтобы вы не заскучали: как вообще находят друг друга интересные люди?..

Его звали Виля Гиличинский. Крупный тридцатилетний мужик. Он отсидел шесть лет в лагере за групповой грабеж и вышел оттуда с кличкой, или, как говорят, кликухой Пантера и... неплохим знанием английского языка, потому что его соседом по нарам был английский шпион. Виля курил планчик и иногда ширялся на "малине" на Мясоедовской (после — Шолом-Алейхем).

Кстати, Валера в то время, как всякий любознательный человек, пробовал действие "травки" на себе — может, она и свела их?

Для полноты портрета вчерашнего эзика Вили есть еще два слова. На Дерибасовской — после лагеря — он появлялся в таких шикарных костюмах, что даже стилисты останавливались и ахали, а женщины начинали перешептываться. Один раз он прошелся по главной улице в цилиндре и во фраке... Что так? Он воровал? Нет. Он опять кого-то грабил? Тоже нет. Тогда откуда такие костюмы, какие носят только английские лорды и американские миллионеры? Я вижу, вы не догадываетесь. И никто не догадывался, а Виля на вопросы о нарядах только посмеивался. Я же узнал об этом из его разговора с Валерой. Вот в чем

был секрет. Мама Вили работала... костюмершей в Одесском драмтеатре, и сынок брал напрокат, на вечер, одежду какого-то героя спектакля...

Я вам скажу даже, что было дальше. Или, вернее, что должно было случиться, если речь идет о таком "герое", как Виля Пантера. Однажды он костюм маме не вернул. У него была лямка, и он заложил его за порцию или две наркотики... Маму чуть не выгнали из театра, а сынку пришлось переодеться в долагерные штотки, в короткий клифт и потрепанные брюки-клевш, а стилисты на Дерибасовской в это время носили уже длинные пиджаки из букле, галстуки с попугаями и брюки-дудочки с манжетами. Такой удар судьбы для тридцатилетнего лоботряса!

В этом-то виде и "подобрал" его Валера. Не испугался даже клички Пантера.

У Валеры было золотое сердце, он задумал спасти Вилю от наркомании и решил приспособить к делу. Он сочинил цирковой номер, где будет задействован и планакеш Виля Гиличинский, тоже игравший на гитаре.

Они этот номер репетировали в просторном спортивном зале, оба были в затрапезных трениках и майках; в перерывах, сидя на матах, Валера читал стихи одесских поэтов и говорил кому-то (я запомнил): "С точки зрения с техни... спихни... с толкалогической, образов у тебя в стихах нет" (не знаю, что это такое); а Виля покрикивал им из своего уголка: "We live in the country of the slave's! Откуда, салажата, произошло всенародное слово "хавать"? Где вам знать, сосунки! Я вам про это скажу! От английского глагола "to have". Вот учит меня сосед-диверсант с нижней шконки: скажи, мол, "I have my dinner". Я говорю: "Ну, это... хэваю... значит, мою баланду..." "I have! — он сердится. — Пишется по-русски ха-вэ! И какая баланда? Dinner! — он кричит. — Dinner! Dinner!" Я ему в ответ: "Ха-вэ, значит, хаваю. А на обед у нас не стейк, пентагоновский ты хмырь, а как раз баланда... В общем, все лажа, ребятишки, главное — не забыть вовремя зашабить!"

Ко мне они привыкли и меня не замечали.

Этого номера так никто и не видел — только я, он был уникален, но в первобытном своем варианте, а не в том, каким он бы выглядел в цирке. В цирке он бы выглядел просто: шикарные костюмы, отрететированные до блеска движения, продажа...

Зрелищем я должен поделиться, это как раз та столовая ложка коньяку, которую нужно принимать три раза в день.

Так вот: я тогда куда-то вышел, а когда вернулся...

"Номер" я увидел такой... Партнеры стояли "голова в голову": то есть Валера держался в стойке на макушке (через "бублик") напарника и балансировал ногами. Верхнего поддерживал "лонж" (на конце лонжа висела, тоже балансируя ногами, беременная его жена Валюха), но все равно от Валериной тяжести планакеша Вилю перекосило — скажем, как резинового куклу под рукой младенца...

Дядя Миша, разойдясь в рассказе, иногда говорил как по писаному.

— Вилена рожа, и без того дьявольская, раздвинулась, как пластилиновая, и ходила вдобавок от непривычного напряжения ходуном, а глазами он ворочал, будто его поджаривали на костре. Валеру на таком шатком нижнем, понятно, мотало...

— Как повешенного на ветру, — подхватил я сказ дяди Миши.

— Вы как будто это подсмотрели, — похвалил меня старик. — Но вы не видели всего. Оба "циркача" держали гитары, били кое-как по струнам и пели гнусавыми, как полгалось тогдашним наркоманам, голосами первую попавшуюся под руку песню, наверняка Вилину:

Когда я чалился на зоне,

Где ветер режет, как монгол...

Минута... другая... Я тогда понял, что второго такого зрелища за свою жизнь я больше не увижу.

Старик тут замолчал, а я подумал: "Это было, верно, то, что должно было стать цирковым номером, это выглядело бы на манеже, в конце концов, красиво и были бы аплодисменты... но что делать — искусство (книжные страницы, холсты художников, скульптуры, даже музыка) иногда так и рождается — в страшных и порой уродливых муках, у которых нет даже свидетелей..."

— Минута... другая... — продолжил дядя Миша. — Валюха не выдержала и отпустила конец лонжа — пирамида посыпалась: Валера рухнул на пол, держа гитару над собой, Виля сел... Помотал головой.

— Вы что, ребята, — сказал, — это же slave's work! Пора стегануть дури, есть у меня значенный баш...

— Скажу вам: циркового номера у этой па-

ры не получилось — Виля зачистил на "малину" на Мясоедовской, где снабжали дурью, и спортивную форму окончательно потерял, Валюха родила, начались пеленки... — дядя Миша махнул рукой и на несколько минут замолчал. Потом продолжил:

— Я вам говорил, что Валера — человек без дна? Что он человек, которого Бог осыпал золотым песком, и от этого мой одессит только чешется? Через какое-то время я увидел его в зоопарке, куда ходил с сыном, дрессировщиком льва. После он играл по вечерам в ресторане на пианино и аккомпанировал даже Высоцкому. Тот зашел поужинать, а публика подняла его к микрофону. А остановился он, знаете, на чем? И даже не остановился — наоборот. Он, наконец, полетел, о чем, может быть, мечтал всю жизнь. Он полетел под парусом. Валера в какую-то хорошую минуту глянел на яхту, загорелся, освоил парусное дело, купил "дубок" и стал ходить по Черному морю от Одессы до Батуми. И отрастил пиратскую бороду. И воевал на своей скорлупке со штормами. И тонул. И орал, как скаженный, когда удавалось выровнять страшный крен "дубка", когда парус был уже в воде. И пил потом вино в кабаке поселка Новый Свет между горами-утесами Орел и Сокол, куда он пристал после шторма...

Один из его почитателей, не знаю, акробат или поэт, Стасик Рассадин, сказал о нем, что Валера из своих хобби сделал профессию.

Бывшая "верхняя" акробатка, тоненькая, как спичка, его жена расплелась, сидела дома и выращивала детишек...

Из-за Валериной прекрасной безалаберности "дубок" у него скоро отобрали пограничники, но и тогда он не отчаялся и стал заниматься к "новым русским" капитаном яхты и с ними побывал даже в Средиземном море.

Валера был знаменит на всю... Москву (в Одессе, кроме него, знамениты все). Писатели, что приезжали в Одессу на отдых, так или иначе узнавали про него, и на Валеру ходили, как на концерт. Что там по сравнению с ним филармония или тот же "Привоз"? Он представлял перед именитым гостем во всей красе: тельник, борода, заразительное ржание; а говорил он одновременно на пяти примерно языках — одесситов, циркачей, музыкантов, наркоманов и парусников, искусно сплетая все говоры в один гибкий канат и присыпая его словечками, каких не найдешь ни в одном словаре. Писатели, слушая его, хватались за голову — о таком языке можно было только мечтать... но как овладеть им, не поработив два года цирковым акробатом? Не подержав стойку на голове отпетого наркомана Вили Гиличинского? Не посидев тапером в одесском ресторане годика этак три? Не походив на собственном "дубке" с командой похожих на него матросов от Одессы до Батуми?

— Что вам сказать! — дядя Миша обычно заканчивал свой рассказ именно этой фразой. — Господь осыпал голову этого человека золотым песком...

Один поэт из его компании — из тех, что приносили ему стихи, чтобы Валера написал на них песенную музыку, он таки получил — так этот поэт сказал как-то про него, что тот — как жаль! — ни в чем не состоялся.

А я думаю: Валера — счастливый человек. Тот песок, что когда-то осыпался на него, он выбрал весь, не оставил ни песчинки.

Ну, может, еще пять — шесть искрятся в его поседевшей голове. Я слышал, что Валера пишет сейчас совсем не плохие рассказы. Ему есть о чем писать!

А теперь скажите честно, что вам интереснее слушать — мой рассказ про Валеру или если бы я полчаса жаловался вам на свой артрит? Нет, только честно!

Вместе с дядей Мишей мы составили после словарик слов, которые он услышал, сидя на стремянке. Вот он.

ДоНстоевский — так было произнесено.

Суржик — человек "смешанных" кровей.

Планакеш — курильщик анаши, планчика.

Шабить — курить "травку".

Ширяться — колотиться наркотиком.

Продажа — раскланивание циркового артиста после окончания номера.

Бублик — сшитый в форме бублика матерчатый, туго набитый ватой "буфер" на голове "нижнего" акробата.

Клифт — пиджак.

Лонж — страховочный и тренировочный пояс у гимнастов и циркачей.

Баш — одноразовая порция анаши, скатанной в шарик.

Дурь — анаша.

На Мясоедовской была "хата", "хаза", где можно было получить любой наркотик или ширануться.